

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ХИНДИ

Индийская лексикографическая традиция уходит в глубокую древность. Три тысячелетия назад одновременно с грамматикой стали зарождаться индийская лексикология и лексикография. В процессе грамматического анализирования (*vyākaraṇa*) у древних грамматистов вырабатывались представления о фонетических законах, о словах древнеиндийского языка с их корнями и аффиксами. Приблизительно в начале I тысячелетия до н. э. были составлены списки слов, которые можно считать первыми индийскими словарями: глоссарии к Ведам — Нигханту. В этих списках с помощью синонимов толковались имена, глаголы и неизменяемые части речи раннего ведического языка. Кроме толкования слов, Нигханту содержали образцы их правильного произношения. К ранней индийской лексикографии можно отнести и разделы санскритской грамматики, содержащие списки групп слов, обладающих различными морфологическими особенностями (*gaḍarāḥa*), систематические списки корней (*dhāturaḥa*), списки имен, классифицированных по родам (*liṅgānuśāna*), и др. В дальнейшем, с развитием санскритской поэзии стали составляться собственно словари (*koṣa*): синонимические (*ekārtha-koṣa*) и омоимические (*nānārtha-koṣa*), входившие по традиции в поэтическую литературу. В отличие от своих предшественников — первых индийских глоссариев, они не содержали глаголов и были написаны стихами — шлоками. Древнейшим и наиболее важным из дошедших до нас санскритских словарей считается «Амаракоша», составленный Амарасинхой в VI в. н. э. Этим словарем пользовались позднейшие индийские лексикографы; в XII в. Моггаллана перевел значительную часть его для своего словаря пали «Абхидхана-прадипика»; в XVIII в. поэт хинди Бхикхари Дас использовал его для своего словаря «Амара-пракаша». Словарь «Амаракоша» сослужил большую службу санскритской лексикографии в Европе, в частности, он был использован для составления так называемого большого петербургского словаря О. Бётлингк и Р. Рота¹. До сего

дня «Амаракоша» остается авторитетным источником, к которому обращаются и составители толковых словарей современных литературных языков Индии.

Кроме общих словарей, санскритская средневековая лексикография создала ряд словарей специальных: медицинско-ботанических, астролого-астрономических, буддологических и др. Памятниками живой научной мысли, интереса к своему языку и литературе и неутомимого трудолюбия являются и пракритские словари, созданные в X—XII вв. н. э. и представляющие большую ценность для индийского языкознания. Старейший из дошедших до нас пракритских словарей «Напйлаччи Намамала» (*Pañyalacchi Namamāla*) составлен Дханапалой в 972 г. Позже, в XII в., этот словарь был использован знаменитым ученым, джайнским монахом Хэмачандрой при составлении словаря пракритских слов «Дешинамамала». Эти словари являются по большей части единственными источниками пракритской лексики (а иногда и глагольных форм), поскольку сочинения, на материале которых построены словари, не сохранились или не обнаружены.

Переводные словари в Индии появляются позже. Первым переводным двуязычным словарем, вероятно, был словарь персидских терминов («Параси бхашанушасана»), составленный в середине XVI в. (до 1544 г.). Этот словарь издан в 1945 г. в Лагоре. При Акбаре был составлен словарь «Параси-пракаша» Кришны Даса. Немного позже, примерно в 1676 г., по инициативе Шиваджи, падиши Рагхунатха составил словарь несанскритских терминов — «Раджавьявахара-коша». Этот словарь был издан в Пуне в 1880 г. Следует отметить, что в XVI—XVII вв. в Индии были составлены важные тюркские (чагатайские) толковые словари².

Колониальное положение Индии затормозило развитие индийской филологии в самой стране. За редким исключением, университеты и колледжи Индии предназначались для изучения западных литератур и наук. Только к концу XIX в. в связи с растущим национальным самосо-

¹ O. Böhtlingk und R. Roth, Sanskrit-Wörterbuch, Tl. 1—7, St.-Petersburg, 1855—1875.

² Сведения об этом были любезно сообщены чл.-корр. АН СССР А. К. Боровковым.

знанием начинается оживление в области научного изучения индийских языков и лексикографии. Средневековая словарная традиция к этому времени исчезает, для индийских лексикографов образцами становятся лучшие словари, составленные европейцами, такие, как словарь санскрита О. Бётлингера и Р. Рота, как словари хинди С. Фаллона и Дж. Платса.

Прекрасным образцом санскритского толкового словаря нового типа может служить «Ньяя-коша» («Nyāya-kośa or the dictionary of the technical terms of the Nyāya philosophy»), составленный Бхимачарья Джхалакикармом. (Первое издание словаря было в 1874 г., второе в 1893 году в Бомбее.) Это словарь философских терминов. В отличие от средневековых санскритских словарей, слова в нем расположены по алфавиту, словарная статья содержит разные, поочередные цифрами значения, которые подчеркнуты выдержками из текста.

С начала XIX в. или даже с конца XVIII в. начинают создаваться европейцами (преимущественно англичанами) и самими индийцами переводные словари с современных индийских языков на европейские (в основном, английский). Эта лексикографическая деятельность получила оценку в высказывании Дж. Бимза: «Характерно, хотя это и не делает нам чести как нации, что после столетнего управления Индией мы создали там мало хороших словарей для этой группы языков» (индо-арийских. — В. Б.)¹. Да и через 75 лет после этого, в 1946 г., Дж. Фёрт (Firth) — крупный фонетист из Оксфордского университета — в предисловии к учебнику разговорного хиндустани² выражал сожаление по поводу того, что в Индии англичане до сих пор смотрят на индийские языки как на народные диалекты.

В последние десятилетия XIX в. и особенно в первые десятилетия XX в. лексикографическая работа в Индии стимулируется нарастающим подъемом национального движения, развитием национальных языков и литератур. В этот период создаются филологические и литературные общества, выходят крупные исследования индийских лингвистов и литературоведов. Для этого периода характерна работа над толковыми словарями, над собиранием богатств своего языка, противопоставляемого языку колонизаторов — английскому.

Борьба за развитие национального языка и современной литературы в поращенной стране была составной частью национально-освободительного движения. Новая патристическая интеллигенция в развитии национального языка видела одно из главных средств достижения независимости. Яркий выразитель передовых стремлений во второй половине XIX в., основоположник современной литературы хинди, поэт и драматург, глашатай свадешии, Бха-

ратенду Хариш Чандра (1850—1885) в одной из своих речей призывал соотечественников: «Довольно полагаться на иностранные товары и иностранный язык. Идите к процветанию своей страны, пользуясь своим собственным языком»³. По сей день часто цитируются его известные стихи, ставшие лозунгом:

«Только успех родного языка — основа всех успехов,

Без знания родного языка не избавиться от страданий»⁴.

В борьбе с засильем английского языка, символизировавшим империалистическое закабаление, приходится исключительное значение хинди как распространеннейшему языку Индии. В связи с развивающейся художественной, публицистической и научно-просветительской литературой на хинди создаются небольшие одноязычные словари хинди. Первый национальный толковый словарь хинди «Вивек-кош», составленный Байджу Дасом, вышел в Банкпуре в 1892 г. За ним в конце XIX в. и в начале XX в. последовал ряд небольших словарей («Gaurī nāgarī-koś», «Maṅgal-koś», Лакнау, 1890, «Śrīdhār-koś», «Hindī vāijñānik-koś», Бенарес, 1906, и др.). Возникшее в 1893 г. Бенаресское научное общество Нагари праচারини сабха — старейшее учреждение, пропагандирующее язык и литературу хинди, — в 1908 г. приступило к составлению многотомного толкового словаря «Хинди шабда-сагар», издание которого закончилось в 1928 г. «Хинди шабда-сагар» был первым толковым словарем индийского языка большого объема, построенным на современной научной основе. Он содержит около 100 тысяч слов и терминов из современного литературного и разговорного языка и из средневековых поэтических диалектов (брадж, авадхи). Статьи словаря включают этимологические пометы; различные значения слова разделены цифрами и подтверждаются фразеологическими примерами, оборотами, пословицами, поговорками и цитатами. Хотя принцип толкового словаря не был твердо выдержан составителями (статьи, содержащие мифологические имена, географические названия, названия праздников, названия металлов и др., часто превращались в статьи-справки энциклопедического типа), этот словарь положил начало научной лексикологии хинди. После огромной работы, сделанной по отбору слов для словаря и разработке значений, следующим лексикографам было уже легче идти по проложенной дороге. К сожалению, очень многие из них пошли по пути простого списывания. Даже значительное количество словарей, вышедших после образования республики, были списаны с «Хинди шабда-сагара» и почти не содержали нового⁵. Правда, во многом это объясняется отсутствием у составителей—

¹ J. B e a m e s, A comparative grammar of the modern Aryan languages of India, vol. I, London, 1872, стр. 28.

² См. A. H a r l e y, Colloquial Hindustani, Oxford, 1944.

³ «Bhāratendugranthāvalī», т. III. Бенарес, 1953, стр. 903.

⁴ Там же, т. II, стр. 731.

⁵ См. об этом: Н. J o ś ī, Śabda aur śabda-koś, «Ājkal», V, 1956, стр. 24.

частных лиц — средств на дорогостоящую роспись и собирание новых материалов. Таким образом, последовавшие за «Хинди шабда-сагар» одноязычные и переводные словари хинди в подавляющем большинстве могли свидетельствовать только о растущей потребности в словарях этого языка, а не о движении вперед лексикографии хинди. Эти словари были столь мало самостоятельны, что масса неологизмов и новых значений у старых слов оставалась не включенной в них.

Только в республиканской Индии, когда под влиянием провозглашения хинди государственным языком словарная работа получает новый стимул, усилия крупнейших лексикографов заметно восполняют этот пробел. Ветеран лексикографии хинди, единственный из оставшихся в живых составителей «Хинди шабда-сагар» Рам Чандра Варма к концу 40-х годов заканчивает многолетнюю работу над сокращенным изданием «Хинди шабда-сагар» («Saṅkṣipta hindī śabda-sāgar»). Кроме этимологических и грамматических уточнений и исправлений, работа Рама Чандры Вармы над этим словарем, уже выдержавшим несколько изданий, заключалась в удалении той части, материал которой почерпнут из средневековой поэтической литературы, и в существенном пополнении словаря лексикой из произведений авторов начала XX в., а также современными неологизмами. Действуя в этом же направлении, Рам Чандра Варма в 1950 г. опубликовал первое издание своего «Праманик хинди-кош» («Pramāṇik hindī-koś»). В предисловии к нему он писал, что в течение 10—12 лет собрал 7—8 тысяч слов, употребляющихся в старой и новой поэзии, в современных газетах и др. Важнейшие из них включены в этот словарь. Через несколько лет вышло второе дополненное издание.

Пятидесятые годы ознаменовались выходом в свет продукции лексикографов, на протяжении долгих лет ревниво следивших за расширением словарного состава. В том же 1950 г. был издан большой однотомный словарь Наланда («Nalanda viśāḥ śabda-sāgar», Делли), содержащий 150 тысяч слов. Его составитель Наваджи включил в него 18 тысяч новых слов и значений, выбранных им из современной научной литературы, газет, журналов и новых терминологических словарей. Третьим крупным событием новейшей лексикографии хинди был выход в 1952 г. в Бенаресе первым изданием (второе было в 1956 г.) «Брихат хинди-кош» («Bṛihat hindī-koś»), охватывающего 136 тысяч слов. Начало работе над этим словарем было положено помощником главного редактора бенаресской газеты «Адж» Каликапрасадом. В составлении его принимали участие Раджаваллабха Сахай, Мукундилал Шривастав и др. Вскоре, в 1954 г., Мукундилал Шривастав издал «Джнян шабда-кош» («Jñān śabda-koś»), сокращенный вариант «Брихат хинди-кош», содержащий 71 тысячу слов. Сокращение произведено за счет сравнительно редко встречающихся сан-

скритских, персидских и арабских слов. На преодоление отставания лексикографии от быстро развивающейся политической и общественной жизни была направлена деятельность ученых и литераторов; была создана серия специальных словарей, таких, как словарь административных терминов («Praśāsan śabda-koś») проф. Раху Вири, словарь правительственных терминов («Śāsan śabda-koś») махаяндита Рахул Санкритьяяни, словарь газетного языка доктора Сатьяпракаша («Samācārapatra śabda-koś», Аллахабад, 1950), терминологический словарь Мукундилала Шриваставы («Paribhāṣik śabda-koś», Бенарес, 1953) и др. В этот же период выходят в свет словари языка средневековых поэтов-классиков и словари языков средневековой поэзии, что свидетельствует о развитии новоиндийской филологии. Словари этого рода издаются научными учреждениями, например, в 1950 г. университет Лакхнау издал «Браджхаша Сур-кош» («Brajbhāṣā Sūr-koś») — словарь к произведениям Сур Даса и других поэтов, писавших на брадже; в 1954 г. аллахабадская Академия хиндустани издала «Тулси шабда-сагар» («Tulsī-śabda-sāgar»), составленный Х. Тивари под редакцией Бх. Тивари, — словарь к сочинениям Тульси Даса, содержащий 22 тысячи слов. В подготовке этого словаря принимали участие крупные лингвисты Дхирендра Варма, Балдеопрасад Мишра и Матапрасад Гупта. В 1955 г. Академия хиндустани издала «Авадхи-кош» («Avadhī-koś») — словарь языка авадхи, составленный на основе материалов народной литературы (составитель Рамаджи Дживеди Самир). Надо отметить, что в последние годы в Индии основательно изучаются грамматика и фольклор языков, не имеющих современной письменной литературы (бходжпури, раджастан).

Упомянутые только что крупные словари, изданные за последнее десятилетие, являются достижениями индийской лексикографии. Для них характерен объективный подход к словарному составу и следование тем научным методам, примером применения которых является «Хинди шабда-сагар». В то же время имеются и другие тенденции: находятся лексикографы, которые стараются придать хинди «чисто индийский характер», пытаются избавиться его от арабских, персидских, английских и других заимствований. Искусственно ограничивая исторически сложившийся словарный состав, фразеологию и идиоматику, объективно эти лексикографы препятствуют свободному развитию национального языка.

Примером такого искусственного ограничения словарного состава языка может служить «Образцовый словарь хинди» Патхака («Ādarś hindī śabda-koś»), изданный в Бенаресе в 1950 г. (3-е издание). По-видимому, Патхак, чувствуя всю бессмысленность словаря, предназначаемого для учащихся и широкой читающей публики и не имеющего важных, употребительнейших слов, не решился обойтись совсем без исторических заимствований и дал их в виде приложения в конце, пояснив, что здесь находятся слова, которые «постепенно выходят из упо-

требления после того, как хинди стал государственным языком» (*gāṣṭra-bhāṣā*). Таким образом, обычные слова, вроде *mazdūr* «рабочий», *zamin* «земля», *šaram* «стыд», *bimār* «больной», *javāb* «ответ», *kursī* «стул», *kāṭ-ṣānā* «фабрика», *jahāz* «пароход», *prūṣ* «корректор», находятся, будучи приговоренными Патхаком к смерти, в отдельном списке, а не на своем алфавитном месте среди других слов хинди. Патхаку не удалось последовательно справиться с поставленной им задачей, так как многие заимствованные основы давно натурализовались в хинди. Например, *kaḥūl* «согласие» и глагол *kaḥūlnā* «соглашаться» он поместил в приложение, а каузативы *kaḥūlāna* и *kaḥūlvana* — в словарь; в словарь же помещен, например, ряд гибридных сложных слов с персидским *kaṭar* на первом месте: *kaṭar-tūtā*, *kaṭar-ṣeṭā*, но само *kaṭar* с фразеологией *kaṭar tūnā*, *kaṭar kaṣnā* и др. помещено в списке; отсутствующее в словаре *āsmān* «небо» дается в приложении с богатой фразеологией и пословицами. Кроме этого, персидские и арабские слова встречаются и в словаре в составе фразеологии. Единственную положительную сторону словаря Патхака можно видеть в том, что составитель материалом словаря убедительно показал ошибочность своих установок и бесплодность усилий отделиться от давно ассимилированных слов. К тому же установки Патхака противоречат наблюдаемой в последние годы тенденции включить классические произведения литературы урду в литературу хинди. Под предлогом обогащения хинди — государственного языка — и расширения сокровищницы литературы хинди на деванагари издаются стихи и проза лучших писателей урду¹. Согласно этому и вопреки описанной пуристской тенденции, некоторые лексикографы хинди действуют в направлении утверждения лексики урду в современном словаре хинди.

В этом смысле показательна работа составителя многих словарей хинди Кадарпатх Бхатты, издавшего «Урду-хинди-кош» (Аллахабад, 1955), основанный на литературных текстах урду. В предисловии к своему словарю К. Бхатта пишет, что он подготовил этот словарь потому, что урду является индийским языком, который будет продолжать жить в Индии и после раздела. Он считает, что патриотам следует поддерживать жизнь языка, на котором писали Мир, Галиб и другие блестящие поэты. «Нам следует считать и урду драгоценным сокровищем страны и беречь его как наше достояние», — пишет он. По-видимому, дело касается и поглощению в Индии стилия урду стилем хинди и вместе с этим и закреплению в словаре хинди лексического богатства урду.

¹ См., например, «Gūjrāt Vidyāpīṭh Granthāvalī», издающуюся в Ахмедабаде. Показательно также, что «Hindī Bhāṣa-sāg (gadyabhāg)» (составители Лал Бхагвандин и Рамдас Гаур, Аллахабад, 1950) содержит отрывок из «Зеркала вестей» Назир Ахмеда, напечатанный шрифтом деванагари.

Весьма большое место в современной лексикографии хинди занимает вопрос о создании научной и общественно-политической терминологии. Колониальная страна, в университетах, в научной литературе, в политической жизни которой употреблялся английский язык, оказалась вследствие задержавшегося развития национальных литературных языков не подготовленной к широкому распространению современных научных знаний на родном языке. Хинди, как и другие языки Индии, столкнулся с трудной задачей создания новых слов для множества новых понятий и вещей. В разных провинциях усилиями отдельных ученых стали создаваться терминологические словари. В южной и северной Индии при департаментах просвещения были созданы специальные Комиссии по научной терминологии. В независимой Индии в условиях новой государственности, в условиях открывающихся возможностей развития экономики и науки нужда в индийской терминологии стала ощущаться еще острее. Особое значение придается выработке терминологии на хинди.

Проф. Хазари Прасад Диведи, заведующий кафедрой хинди Бенарского университета, подсчитал: для того чтобы заменить английские научные и технические термины отечественными, в течение ближайших 10 лет ежегодно следует создавать 20 тысяч новых слов и выражений хинди². В связи с тем, что, согласно конституции, хинди через 15 лет должен во всех сферах общественной жизни Индии полностью вытеснить английский язык, Министерство просвещения выработало программу, по которой создание научной и технической терминологии завершается в течение первых 10 лет. Словарная работа и создание научных оригинальных и переводных книг материально поощряются центральным правительством и правительством штата Уттар Прадеш. К 1965 г. предполагается выпустить большую энциклопедию на хинди объемом 50 тыс. страниц.

Хотя терминологическая работа велась в разных местах Индии отдельными учеными или отдельными группами ученых, она имела общую черту — термины строились на основе санскрита и, благодаря этому, могли быть использованы любым языком Индии, так как литературные индоарийские языки, да и дравидийские, содержат значительную часть санскритской лексики. Избранные санскрита как основы для построения новых терминов получили одобрение ряда таких научных обществ и учреждений, как Пагари праচারини сабха, Бангтия Сахитья-паришад, Калькуттский университет, Гуджарати Видьяпитх (Гуджаратское научное об-во в Ахмедабаде), Махараштра Сахитья-паришад в Пуне и др. Это положение санскрита было зафиксировано и в одной из статей Индийской конституции, где говорится, что Индийскому Союзу следует развивать хинди «черная для его словаря, если необходимо

² «The Hindustan times», 30 XII 1955, стр. 9.

и желательно, слова главным образом из санскрита, а затем из других языков». Благодаря структурной ясности слов, производимых при помощи внутренней флексии, префиксов и суффиксов, санскрит представляет для создания новых слов хороший материал, к тому же известный разным индийским языкам.

Первой серьезной попыткой выработать методы построения новых терминов и дать полную терминологию, правда одной науки — химии, был «The great English-Indian dictionary», составленный в 1943—1946 гг. ученым-эрудитом, нынешним директором Интернациональной академии индийской культуры проф. Рагу Вирой. Словарь состоит из четырех частей, содержащих термины неорганической химии, органической химии, названия химической аппаратуры и названия химических красок. Так как словарь предлагался для всеиндийского пользования, все термины приводились в четырех написаниях: деванагари, бенгали, каннада и тамил. Приблизительно в это же время Сукхсампаттилар Бхандари из Аджира составил словарь технической терминологии на хинди, при создании новых слов прибегая в основном к санскриту, что сделало возможным использование словаря посетителями других языков¹. В 1948 г. в Пунае был издан «Śāstriya paribhāṣa-koṣh», или «The English-Indian dictionary of scientific terminology», составленный двумя крупными маратхскими учеными-лексикографами Яшвант Рамкришна Датэ и Чинтаман Ганеш Карве. В указанном словаре английские термины также переводились преимущественно на санскрит, немногочисленные переводы на маратхи отмечались особой пометой. Это был первый словарь, наиболее широко охватывающий разнообразную научную терминологию. Составители использовали для него ранее опубликованные в Махараштре лексикографические работы. Словарь включал термины экономики, права, политики, философии, религии, математики, физики, химии, астрономии, геологии, географии, навигации, биологии, зоологии, физиологии, анатомии, ботаники, медицины, хирургии, филологии и других специальных областей.

Разработка новой терминологии на основе санскрита происходила в обстановке борьбы мнений. Многие считали, что следует оставить и принять английскую международную научную терминологию. Но стремление придать национальную форму новым понятиям и названиям, пришедшим с Запада, взяло верх. Правда, не все то, что предлагается лексикографам, употребительно и имеет перспективу на применение. Строгая последовательность в построении новых терминов только на санскритском материале приводит часто к нелепым крайностям. Только практика может проверить пригодность того или иного нового термина. Необходимо отметить, что до сих пор авторы научных статей и книг

продолжают употреблять употребляемые ими новообразованные термины английскими словами-прототипами в скобках. По замечанию Рамчандра Вармы, сделанному им в предисловии к первому изданию «Праманик хинди-кош» в 1950 г., во многих областях страны «образуется масса слов хинди, равнозначных важным английским терминам. Но не все эти новые синонимы хинди до сих пор получили всеобщее признание, да большинство из них никогда и не смогут стать общепризнаваемыми».

В 1955 г. вышел в издании Интернациональной академии индийской культуры большой словарь «A comprehensive English-Hindi dictionary...», составленный проф. Рагу Вирой и Локеш Чандрой в сотрудничестве с другими учеными и помощниками. Словарь содержит более 100 тысяч слов и выражений из многочисленных областей науки, техники, политики, администрирования и т. п. Выходу этого словаря предшествовало издание целой серии специальных словарей, составленных проф. Рагу Вирой и его сотрудниками. Под редакцией Рагу Виро в штате Мадхья Прадеш были изданы десятки школьных и университетских учебников на хинди и маратхи по алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, химии, зоологии, ботанике и другим предметам.

Общим принципом для составления упомянутого большого словаря Рагу Виро является заимствование терминов из санскрита или построение их на санскритском материале. Только в редких случаях в качестве единственного эквивалента дается обычное употребительное слово; например: «деревенский масляный пресс» (*country oil mill*) — *kolhū*; «столовая вилка» — *kāñtā*. Немного чаще без санскритского перевода остаются обычные обороты и выражения, которые в словаре помещаются по алфавиту, например: *in the mean time* — *is bic meñ, itne meñ*; *in the neighbourhod* — *paṛos meñ* и т. п. Вообще же, как правило, английское слово переводится на санскрит, и этот санскритский перевод выносится на первое место, если при этом имеется и перевод на другой из языков Индии. Например, *threshing floor* «ток» переводится в первую очередь совершенно неуотребительным словом, извлеченным из средневекового санскритского словаря Халаюджхи: *khaladhānya*, а затем, на втором месте, помещается обычное, всем известное слово *khalihān*; *country cart* «деревенская повозка» переводится сначала санскритским *grāma-śakata*, затем — хинди *baiḷgārī*; *hammer* «молот» — *ayoghan* (встречающееся у Манини), затем *hathaurā*. Перевод на санскрит по возможности обосновывается фактом наличия соответствующего санскритского слова в древней или средневековой литературе. Например, *oestrā* «пошла» — сначала *dvārādeya* (из «*Rājataranḡiṇī*»), затем обычное современное слово хинди *cañgī*. В результате словарь в качестве терминов предлагает высокопарные архаизмы.

Нельзя согласиться с выдвинутым Рагу Вирой положением о том, что «техническая терминология, построенная на санскрите, приво-

¹ См. об этом «Annals of the Bhandarkar oriental research institute», vol. XXX, 1949, стр. 145—150.

дет к единству научную и литературную мысль. Древние кирилич для литературы и науки должны быть одними и теми же. Будущенациональные индийские выражения образуют нераздельное целое с литературными выражениями, существовавшими ранее» (стр. 24). Такая точка зрения не учитывает наличия развитых стилей в живом современном языке. Представляется утопичной попытка архаизировать современные литературные языки, хотя бы и во имя богатого прошлого индийской культуры.

Одним из изложенных во введении к словарю принципов является требование, чтобы каждый термин имел смысловое содержание, отмечал семантически характерную черту предмета или понятия. Следование этому принципу заставляет составителей словаря переводить и все те термины, перевод которых излишен и только искажает смысл, тем более что в этих случаях часто берется слово, древность которого исчисляется тысячелетиями. Например: «железнодорожная станция» *steṣan* современного хинди предлагается заменить словом *śhatra*, взятым из X мандалы Ригведы; «карандаш» *pen-sil* — санскритским новообразованием *aṅka-nī*; «стол» *me* или *tebul* — древним санскритским *patala*, которое никак не означает «стол»; «пианино» *pyāno* — санскритским *mṛdu-vādya*, буквально «тихий инструмент»; широко употребляемое заимствование из английского *gabar* «каучук, резина» словарь заменяет семантическим переводом *ghṛṣi*, что значит «стирающий» от санскритского корня *ghṛṣ* «тереть». Крайности проведения принципа перевода проявляются и в переименовании многих стран. Например, Азия названа *Jambudvīpa* — название одного из семи материков в Пуранах или буддийское название Индии; Америка — *Pātāla* — название одного из семи пуранических подземных миров; Австралия — *Mahālaṅkā*, буквально «Большой Цейлон»; Африка — *Kālā dvīpa* «Черный остров»; Сибирь — *Śivāvarta*, что означает: «страна Шивы» (*āvarta* по аналогии с *Ary-āvarta*; по индийской мифологии обитель Шивы находится на снежных вершинах Гималаев); Нидерланды — *Nimnavarṣa* по аналогии с *Bhāratvarṣa*; Япония — *Ūdayavarṣa* «страна восходящего солнца»; названий России или Советского Союза в словаре вообще нет. Думается, напрасно были потрачены усилия на переименование электрических единиц: ампер — *dyuvahī*, вольт — *dyuśakṁa*, фарада — *dyukṣama*, кулон — *dyumātrā* и т.д., хотя этим переводам нельзя отказать в последовательности и системности.

Здесь подвергнуты переводу как раз те иностранные слова, о которых Ф. Энгельс писал в предисловии к «Развитию социализма от утопии к науке», что «необходимые иностранные слова, представляющие собою большей частью общепринятые научно-технические выражения, вовсе не были бы необходимы, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод искажает смысл; вместо того, чтобы пояснить, он сбивает с толку»¹.

Принцип буквального перевода в словаре соблюдается наряду с принципом калькирования, тесно с ним связанным. Например, *microphone* — *aṇubhāṣa*; *microscope* — *aṇvīkṣa*; *cooption* «кооптирование» — *sahavarāṇa*; *coopted* «кооптированный» — *sahavṛta*; *hydrogen* «водород» — *udajana*; *hydrology* «гидрология» — *jalavijñāna*; *hydrophobia* «водобоязнь» — *jalabhī*; *hydroplane* «гидроплан» — *jalavimāna* и т. п. При калькировании префиксы и суффиксы английских научных терминов последовательно передаются соответствующими санскритскими префиксами и суффиксами. Например: *peri* соответствует *peri* (*perimeter* «периметр» — *parimāpa*); *anu* соответствует *sub* (*subgenus* «подрод» — *anuprajāti*); *sanī* соответствует *con* (*condense* «сгущение» — *saṅghanana*); *apa* соответствует *ab* (*abrade* «стирать» — *apagharāṇa*); *prati* соответствует *anti* (*antibody* «антитело» — *pratikay*); *dys* соответствует *dys* (*dyspnoea* «одышка» — *duḥśvasana*) и т. д.

Наличие в санскрите множества аффиксов и гибкость основ позволяют широко применять калькирование, а также конструирование новых слов. Рагху Вира пишет, что при помощи 520 корней, 20 префиксов и 80 суффиксов можно создать миллионы слов. Но составители следуют более моделям, выработанным в европейской научной терминологии. По аналогии они пользуются различными усеченными основами, изобретают новые суффиксы. Так, *jaraka* «кислород», которое образовано от древнего слова, относящегося к алхимии, *jāraṇa* «окисление», может быть усечено до *jar*, соответствующего части европейского термина *oxy*; *jā-ox*; *j̄-oxa*; *jar-oxo*. Примерами новых суффиксов могут служить *-ātu*, получившийся из *dhātu* «металл» и калькирующий суффиксы *-ium* и *-um* в химии, например, «радий» *radium* — *tejātu*; суффикс *-āti* от слова *vāti* «газ» калькирует европейский суффикс *-on*, например, «аргон» (греч. «вялый») *mandāti*. В минералогии новый суффикс *-ij* от *khanij* «минерал» калькирует англ. *-ite*, например, *anthracite* — *vikṣāmij* (*vik:ām* «уголь сгоревший»); *apatite* «апатит» — *cūrṇabhāsvij* (здесь ряд усечений: *cūrṇa* < *cūrṇātu* «кальций», *bhāsva* < *bhāsvija* «фосфатный»).

Сделанные замечания по общему словарю англо-хинди далеко не исчерпывают характеристику огромной, кропотливой работы над ним. К этой работе, по словам проф. Рагху Виры, были привлечены около 200 специалистов.

Результаты длительного труда над методами создания своей терминологии, несомненно, будут иметь большое значение для формирования индийских литературных языков, хотя, конечно, не все там предложенное будет принято. Распространение всеобщей грамотности среди народов Индии, повышение образованности масс, усиление демократических элементов в литературе — внесут свои поправки в создание современной терминологии. Этот вопрос будет решен самой жизнью.

Событием для лексикографии хинди было издание в прошлом году первого русско-хинди словаря, составленного Вир Раджендра Риши («Руси-хинди шабда-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, 1933, стр. 624.

кош», Новый Дели, 1957). Знаменательно для современного развития индо-советских культурных отношений, что словарь вышел в Индии почти одновременно с выходом первого русско-хинди словаря в Советском Союзе. В предисловии к словарю В. Р. Рипи пандит Дж. Неру пишет: «...русский язык, который сам по себе не только велик и богат, но и служит сегодня средством выражения научных, технических и других сфер человеческого мышления, до сих пор еще знают немногие в Индии. Я надеюсь, что изучение русского языка в Индии будет расширяться, и это будет способствовать лучшему пониманию русского народа и его великих достижений». «Руси-хинди шабда-кош», над которым составитель работал шесть лет, содержит 40 тысяч слов, сопровождаемых достаточно богатым иллюстративным фразеологическим материалом. Словарь В. Р. Рипи вместе с приложенным кратким очерком грамматики русского языка — крупный вклад в индийскую лексикографию, им

положено начало созданию словарей переводных с русского на другие индийские языки.

В древней и средневековой лексикографии мы видим очень раннее, но яркое проявление духовной деятельности индийского народа. То, что сохранено этой традицией, представляет большую ценность для истории языка, для истории культуры. С XIX в. развиваются новые традиции, отражающие борьбу индийского народа за национальное освобождение от империалистического порабощения. Индийская филология становится одним из средств этой борьбы. В области лексикографии хинди, так же как и в других индологических областях, сказывается буржуазно-националистическое установление, однако преобладает научно-объективное направление, которое имеет прочную опору в самой жизни страны, вступившей на путь самостоятельного свободного развития в эпоху торжества социализма.

В. М. Бескровный

НОВОЕ В ЛИТУАНИСТИКЕ

В 1957 г. в Вильнюсе вышла из печати монография З. Зинкевичюса «Очерки по истории местоименных прилагательных литовского языка»¹. Эта книга обращает на себя внимание не только благодаря значительности темы, представляющей интерес и для исследования балтийских, а также славянских языков, в которых представлен названный тип прилагательных, и для изучения других индоевропейских языков. Она отличается широким привлечением материала всех основных старых письменных памятников литовского языка и всесторонним использованием диалектных данных — как известных по печатным источникам, так и собранных автором в ходе его диалектологических изысканий. Вместе с тем автор постоянно учитывает факты других балтийских языков.

Основная часть книги, рассматривающая историю местоименных прилагательных в литовском языке, включает раздел о фонетических факторах, способствовавших нарушению регулярных связей местоименных прилагательных с краткими формами прилагательных и выделению их в качестве особого класса (здесь имеются в виду выпадение *j* после согласных, сокращение акутовых окончаний, выпадение тавтосиллабического *n* и др.); главу об особенностях склонения местоименных прилагательных (существенную часть здесь занимают раз-

скация в области унификации типов склонения); наконец, раздел о дальнейшей судьбе изучаемого типа прилагательных в говорах литовского языка. Очень полезными являются справочные разделы книги, включающие детальные указатели рассмотренных слов и форм, и статистические таблицы, характеризующие употребление местоименных прилагательных в старых памятниках и в современном языке.

Опубликование на русском языке подробной статьи автора на ту же тему² избавляет нас от необходимости более подробно излагать содержание богатой наблюдениями книги З. Зинкевичюса. Нам представляется целесообразным остановиться на значении исследованных в этой книге фактов для сравнительно-исторической грамматики балтийских и в целом индоевропейских языков. Автору удалось окончательно доказать поздний характер образования местоименных форм. Факты, привлеченные З. Зинкевичюсом для обоснования этого вывода, имеют существенное значение и для исследования функций и синтаксических позиций элемента **jo-* — не только в балтийских, но и в других индоевропейских языках. В соответствии с традицией автор считает, что старое относительное значение этого элемента в балтийских и славянских языках исчезло (стр. 12).

² См. З. П. Зинкевичюс, Некоторые вопросы образования местоименных прилагательных в литовском языке, ВСЯ, вып. 3, 1958, стр. 50—100.

¹ Z. Zinkevičius, Lietuvių kalbos įvardžiutinųjų būdvardžių istorijos bruožai, Vilnius, 1957.